

18+

Книги на английском языке

Под редакцией Ричарда Гранта

Мать. На дне.

Максим Горький

**Пересказ на английском языке
с параллельным переводом**

Ричард Грант

**Мать. На дне. Пересказ
на английском языке
с параллельным переводом**

«Издательские решения»

Грант Р.

Мать. На дне. Пересказ на английском языке с параллельным переводом / Р. Грант — «Издательские решения»,

ISBN 978-5-00-686312-5

Сборник содержит пересказы двух знаковых произведений Максима Горького — романа «Мать» и пьесы «На дне» — на английском языке (уровень В2) с параллельным русским переводом. Тексты написаны для современного читателя, сохраняя дух оригиналов. Издание предназначено для изучения английского, литературоведения и всех интересующихся творчеством Горького.

ISBN 978-5-00-686312-5

© Грант Р.
© Издательские решения

Содержание

Мать	6
Конец ознакомительного фрагмента.	11

Мать. На дне.
Пересказ на английском языке
с параллельным переводом

Редактор Ричард Грант

ISBN 978-5-0068-6312-5

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

Мать

In the dusty, smoke-choked factory district of a provincial Russian town, Pelageya Nilovna lived in a small wooden house that leaned against the high board fence of the ironworks.

В пыльном, пропитанном дымом фабричном районе провинциального русского города Пелагея Ниловна жила в маленьком деревянном домике, прижавшемся к высокому забору литейного завода.

She was forty years old, broad-shouldered, heavy, with a face scarred by smallpox and eyes that had long ago lost their brightness.

Ей было сорок лет, она была широкоплечей, тяжелой, с лицом, изуродованным оспой, и глазами, давно потерявшими блеск.

Every morning she woke before the factory whistle, lit the samovar, and prepared kasha for her husband, Mikhail Vlasov, a hulking blacksmith whose fists were quicker than his words.

Каждое утро она вставала до фабричного гудка, зажигала самовар и готовила кашу для мужа – Михаила Власова, тучного кузнеца, у которого кулаки действовали быстрее, чем слова.

He came home drunk, cursed the world, and beat her until she learned to move silently, to breathe without sound.

Он приходил домой пьяным, проклинал весь свет и бил её, пока она не научилась двигаться бесшумно и дышать без звука.

Their son, Pavel, grew up watching this, his small face tight, his fists clenched even in sleep.

Их сын Павел рос, наблюдая за этим, с напряжённым лицом и сжатыми кулаками даже во сне.

Pavel was different.

Павел был другим.

Tall, thin, with his mother's dark eyes but a mouth set hard like his father's, he worked at the same factory, turning bolts on a lathe.

Высокий, худой, с тёмными глазами матери, но с жёстко сжатыми губами отца, он работал на той же фабрике, точил болты на токарном станке.

He spoke little, read much – books borrowed from a crippled typesetter named Andrey.

Он мало говорил, но много читал – книги, одолженные у калеки-наборщика по имени Андрей.

When Mikhail died of drink and rage one winter night, the house grew quieter.

Когда Михаил умер от пьянства и ярости одной зимней ночью, дом стал тише.

Pelageya scrubbed floors for the foreman's wife to keep bread on the table, and Pavel brought home every kopeck, stacking them in a tin box under the icon.

Пелагея мыла полы у жены мастера, чтобы было на хлеб, а Павел приносил домой каждую копейку и складывал их в жестяную коробку под иконой.

One spring evening, Pavel came in with a bundle wrapped in newspaper.

Одним весенним вечером Павел вошёл с узлом, завернутым в газету.

He unwrapped it carefully: a stack of thin pamphlets, the ink still wet.

Он осторожно развернул его: стопка тонких листовок, с ещё влажной типографской краской.

«Mother,» he said, «these are for the men.»

«Мама, – сказал он, – это для рабочих.»

She stared at the words she could not read – Down with the Tsar! Long live the working people! – and felt fear crawl up her spine like cold water.

Она смотрела на слова, которых не могла прочесть – «Долой царя! Да здравствует трудовой народ!» – и почувствовала, как страх ползёт по спине, словно холодная вода.

That night she lay awake listening to the factory hum beyond the wall and to her son breathing steady in the next room.

В ту ночь она долго не спала, слушая гул фабрики за стеной и ровное дыхание сына в соседней комнате.

The pamphlets spread.

Листовки распространились.

Workers whispered in the lavatories, passed them under benches.

Рабочие шептались в уборных, передавали их под лавками.

The foreman found one in the slag heap and roared.

Мастер нашёл одну в куче шлака и взревел.

Police came, boots thudding on the frozen mud streets.

Пришла полиция, сапоги глухо стучали по замёрзшей грязи улиц.

They dragged out three men, including Andrey the typesetter.

Они вытащили троих мужчин, среди них был Андрей-наборщик.

Pavel stood in the yard, coat unbuttoned despite the frost, and said loudly, «This is only the beginning.»

Павел стоял во дворе, с расстёгнутым пальто, несмотря на мороз, и громко сказал: «Это только начало.»

The officer struck him across the face. Blood spotted the snow.

Офицер ударил его по лицу. Кровь окропила снег.

Pelageya watched from the window, hands pressed to her mouth.

Пелагея наблюдала из окна, прижав руки ко рту.

After that, meetings moved to the woods beyond the swamp.

После этого собрания стали проводить в лесу за болотом.

On Sundays, when the machines slept, twenty, thirty men gathered under the pines.

По воскресеньям, когда машины отдыхали, двадцать-тридцать человек собирались под соснами.

Pavel spoke – calm, clear, his voice carrying over the needles.

Павел говорил спокойно и чётко, его голос разносился над хвойными иглами.

He talked of wages stolen, of children coughing blood in the damp barracks, of the eight-hour day.

Он рассказывал о воровстве заработков, о детях, кашляющих кровью в сырых бараках, о восьмичасовом рабочем дне.

Pelageya brought bread and kvass in a basket, pretending she was visiting a sick cousin.

Пелагея приносила хлеб и квас в корзине, притворяясь, что идёт навестить больную родственницу.

She sat on a stump, shawl over her head, and listened.

Она садилась на пень, накрыв голову платком, и слушала.

Words she had never heard – strike, solidarity, revolution – settled in her mind like stones in a pond.

Слова, которых она никогда раньше не слышала – «забастовка», «солидарность», «революция» – оседали в её сознании, словно камни на дне пруда.

Summer came hot and airless.

Наступило жаркое, душное лето.

The factory owner, a fat merchant from Moscow, cut piece-rates.

Хозяин фабрики, толстый купец из Москвы, снизил расценки.

Sparks flew from the lathes in protest.

В ответ искры летели из токарных станков.

One noon the whistle blew and no one moved.

В полдень прозвучал гудок – и никто не двинулся с места.

Pavel climbed onto a crate in the yard. «Brothers,» he called, «enough!»

Павел взобрался на ящик во дворе. «Братья, – крикнул он, – довольно!»

The men cheered. Gates clanged shut.

Рабочие закричали одобрительно. Ворота с грохотом захлопнулись.

Cossacks rode in with whips. Sabers flashed. Blood ran between the cobblestones.

Въехали казаки с нагайками. Засверкали сабли. Кровь потекла между булыжниками.

Pelageya saw her son lifted on shields of arms, his shirt torn, his eyes blazing.

Пелагея увидела, как сына подняли на руках, его рубашка была разорвана, глаза горели.

They took him to the district jail.

Его увезли в уездную тюрьму.

She went every visiting day, carrying pirozhki wrapped in a clean cloth.

Она приходила в каждый день свиданий, неся пирожки, завернутые в чистую тряпицу.

The guard let her through the iron door.

Стражник пропускал её через железную дверь.

Pavel sat on a bench, thinner, a bruise yellowing on his cheek.

Павел сидел на скамье, похудевший, с желтеющим синяком на щеке.

«Mother,» he said, «don't be afraid. This is how the world changes.»

«Мама, – сказал он, – не бойся. Так меняется мир.»

She wanted to cry, but his gaze held her steady.

Ей хотелось заплакать, но его взгляд удержал её.

While Pavel waited for trial, the underground grew.

Пока Павел ждал суда, подполье разрасталось.

A young teacher named Natasha arrived, sent by the city committee.

Пришла молодая учительница по имени Наташа, посланная городским комитетом.

She had short hair, a man's coat, and a laugh that rang like a bell.

У неё были короткие волосы, мужское пальто и смех, звеневший, как колокольчик.

She slept on the floor in Pelageya's house, taught her to read by lamplight.

Она спала на полу в доме Пелагеи и учила её читать при свете лампы.

The letters danced at first, then settled: M-O-T-H-E-R.

Буквы поначалу плясали перед глазами, потом сложились: M-O-T-H-E-R – «мать».

Pelageya traced them with a thick finger, pride warming her chest.

Пелагея обводила их толстым пальцем, чувствуя, как гордость наполняет её грудь.

Autumn brought rain that turned the streets to rivers of mud.

Осень принесла дожди, превратившие улицы в реки грязи.

Pavel's trial was set for November.

Суд над Павлом назначили на ноябрь.

The comrades printed leaflets: Free Pavel Vlasov!

Товарищи напечатали листовки: «Свободу Павлу Власову!»

Pelageya folded them into her skirt lining and carried them to the market, slipping them into aprons, under cabbage leaves.

Пелагея прятала их в подкладку юбки и несла на рынок, подсовывая под фартуки и под листья капусты.

Her heart hammered, but her hands did not shake.

Сердце колотилось, но руки не дрожали.

The courtroom smelled of wet wool and fear.

В зале суда пахло мокрой шерстью и страхом.

Workers packed the benches.

Скамьи были забиты рабочими.

Pavel stood in the dock, chains on his wrists, and spoke for two hours.

Павел стоял в клетке, с цепями на запястьях, и говорил два часа.

He told of the child who lost three fingers to a press, of the widow paid three rubles for her husband's coffin.

Он рассказывал о ребёнке, лишившемся трёх пальцев под прессом, о вдове, получившей три рубля на гроб для мужа.

The judge banged his gavel. Soldiers led Pavel away to ten years in Siberia.

Судья ударил молотком. Солдаты увели Павла на десять лет в Сибирь.

Pelageya stood in the aisle, mouth open, until Natasha pulled her down.

Пелагея стояла в проходе, с открытым ртом, пока Наташа не усадила её.

Winter again. Snow piled against the windows.

Снова зима. Снег громоздился у окон.

The factory ran slower; half the men were gone – jailed, fled, or broken.

Фабрика работала медленнее; половина мужчин исчезла – кто-то в тюрьме, кто-то бежал, кто-то был сломлен.

Pelageya kept the house warm, the samovar singing.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.